



## Пролог

*Лондон, недалеко от церкви Святого Георгия,*

*Ганновер-сквер*

*Лето 1827 года*

Легкие жгло огнем.

Грегори Бриджерстон бежал по улицам Лондона, не замечая удивленных взглядов прохожих.

В его движениях присутствовал какой-то странный, мощный ритм: раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре, — и этот ритм гнал его вперед, к тому, на чем было сосредоточено его внимание.

К церкви.

Нужно поскорее добраться до церкви.

Нужно остановить венчание.

Сколько он уже бежит? Две минуты? Десять?

Надо поскорее добраться до церкви. Он не мог думать ни о чем другом. Он запрещал себе думать о чем-то другом. Он должен...

Проклятье! Дорогу преградил выехавший экипаж, и Грегори пришлось остановиться. Согнувшись, упершись руками в бедра — не потому, что так хотелось ему, а потому, что этого требовало его тело, — он стал судорожно заглывать воздух в надежде облегчить резкую боль в груди, это ужасное, сжигающее, раздирающее ощущение, будто...

Экипаж проехал мимо, и Грегори побежал дальше. Уже недалеко. Он успеет. С того момента, как он побежал прочь от особняка, прошло не больше пяти минут. Ну, может, шести. А кажется, что полчаса.

Надо все это остановить. Он обязан все остановить.

Грегори немного замедлил бег, чтобы взбежать по ступенькам и при этом не споткнуться и не рухнуть лицом вниз. Затем он рывком распахнул дверь — как можно шире — и не услышал, как она громко стукнулась о внешнюю стену. Наверное, ему следовало бы остановиться перед дверью и отдышаться. Наверное, ему следовало бы войти в церковь тихо и спокойно и потратить несколько мгновений на оценку ситуации, на то, чтобы понять, как далеко они продвинулись.

В церкви воцарилась полнейшая тишина. Священник оборвал свою нудную речь, а все присутствующие, буквально закрутившись винтом, повернулись к двери.

И обратили свои взоры на Грегори.

— Не надо. — Он задышался, поэтому его слова прозвучали еле слышно.

Цепляясь за спинки скамей, он сделал несколько шагов по проходу.

— Не делай этого, — уже громче произнес он.

Она промолчала, но Грегори хорошо разглядел ее реакцию. Как у нее от изумления приоткрылся рот. Как ее пальцы разжались, и свадебный букет упал на пол. А еще он увидел — совершенно отчетливо, — что она затаила дыхание.

Она была безумно красива. Ее золотистые волосы, казалось, вобрали в себя дневной свет и сияли, и это сияние наполняло его силой. Продолжая учащенно дышать, он расправил плечи и выпустил спинку скамьи — ему больше не нужна опора, дальше он пойдет сам.

— Не делай этого, — снова проговорил он, направляясь к ней. Каждое его движение было пронизано грацией хищника — такая грация обычно характеризует мужчин, которые знают, чего хотят.

И знают, что будет дальше.

Она продолжала молчать. Молчали все. И это было странно. Чтобы из трехсот присутствующих на церемонии ни один не произнес ни слова! И провожали его глазами, пока он шел по проходу.

— Я люблю тебя, — признался он перед всеми.

И что из того, что перед всеми? Он все равно не стал бы держать это в тайне. Он не позволил бы ей выйти за другого без того, чтобы весь мир не узнал, что она владеет его сердцем.

— Я люблю тебя, — повторил Грегори и краешком глаза увидел своих мать и сестру. Они сидели на скамье выпрямившись и замерев от удивления.

Он продолжал идти. Вперед. И каждый его шаг был увереннее предыдущего.

— Не делай этого, — сказал он, приближаясь к апсиде. — Не выходи за него.

— Грегори, — прошептала она, — зачем ты так?

— Я люблю тебя, — ответил он, потому что это было единственным, о чем стоило говорить. И единственным, что имело значение.

Ее глаза заблестели, и он увидел, как она судорожно дернула подбородком. Затем она перевела взгляд на мужчину, за которого собиралась выйти замуж. Вздернув брови, мужчина еле заметно покачал головой и пожал... нет, просто слегка двинул одним плечом, как бы говоря: «Решать тебе».

Грегори опустил на колено.

— Выходи за меня замуж, — сказал он, вкладывая в эти слова всю свою душу. — Будь моей женой.

И затаил дыхание. Вся церковь затаила дыхание.

Она опять перевела взгляд на него. Ее глаза были огромными и ясными, и все хорошее и правильное, о чем он так страстно мечтал, отражалось в этих глазах.

— Выходи за меня, — прошептал он в последний раз.

У нее задрожали губы, но голос прозвучал звонко, когда она ответила.

## Глава 1,

*в которой наш герой влюбляется*

В отличие от большинства своих знакомых Грегори Бриджертон верил в истинную любовь.

Он был бы полным дураком, если бы не верил.

Взять, к примеру, его старшего брата Энтони, его старшую сестру Дафну, его других братьев, Бенедикта и Колина, не говоря уж о сестрах Элоизе, Франческе и Гиацинте: все они — абсолютно все — были без ума от своих вторых половинок.

У большинства мужчин такое положение вещей вызвало бы лишь раздражение, но для Грегори, который родился с необыкновенно жизнерадостным и даже (по словам его младшей сестры) неутомимым характером, это значило только то, что у него нет иного выхода, кроме как верить очевидному.

Любовь существует.

Она вовсе не являлась призрачным порождением воображения, предназначенным для того, чтобы убереечь поэтов от голодной смерти. Хотя ее нельзя было увидеть, унюхать или потрогать, она всегда присутствовала в жизни людей, и для Грегори было просто вопросом времени, когда он встретит женщину своей мечты и остепенится, чтобы плодиться и размножаться и иметь такие загадочные хобби, как изготовление всякой всячины из папье-маше или коллекционирование терок для мускатного ореха.

Однако, если выражаться деликатно, что вполне приемлемо при обсуждении столь абстрактных понятий, его мечты не были обращены к женщине. Вернее, не к какой-то определенной представительнице женского пола, наделенной специфиче-

скими и узнаваемыми чертами. Он ничего не знал о «своей женщине», о той, которой предстояло полностью изменить его жизнь и превратить его самого в столп скуки и респектабельности. Он не знал, будет она маленькой или высокой, темно- или светловолосой. Ему хотелось думать, что она будет отличаться умом и тонким чувством юмора. А какими еще качествами она будет обладать — разве он мог это знать? Возможно, она окажется застенчивой. Или прямолинейной. И будет любить петь. Или не любить. А может, это будет самая настоящая «лошадница» с лицом, обветренным в результате долгого пребывания на свежем воздухе.

Он не знал. Когда заходила речь об этой женщине — этой невероятной, замечательной и в данный момент несуществующей женщине, — он с твердой уверенностью мог сказать, что, когда встретит ее...

Обязательно узнает.

Он не представлял, как именно ее узнает, просто знал, и все. Произойдет нечто важное, нечто эпохальное, нечто такое, что перевернет жизнь... ну, в общем, нечто, что громко заявит о своем существовании. Оно ворвется в его жизнь стремительно и мощно, обрушится, как вошедший в поговорку таран. Один только вопрос — когда?

А пока, в предвкушении ее появления, у Грегори не было причин отказываться от приятного времяпрепровождения. В конце концов, он же не обязан вести себя как монах, ожидая появления своей истинной любви.

По всеобщему мнению, Грегори был совершенно типичным лондонским денди с достаточным — хотя ни в коей мере не исключительным — денежным содержанием, множеством друзей и рассудительностью, помогающей вовремя встать из-за игорного стола. На «брачном рынке» его считали если не отборной (четвертые сыновья редко пользуются повышенным вниманием), то вполне приличной партией, и он всегда был востребован, когда у светских матрон возникала надобность в подходящем кандидате для выравнивания количества гостей мужского и женского пола на званых вечерах.

Что чуть-чуть увеличивало его шансы и было еще одним преимуществом.

Возможно, ему стоило бы придать себе больше целеустремленности. Дать своего рода направление. Или даже поставить перед собой важную задачу. Но это может подождать, не так ли? Скоро — и он был в этом уверен — все прояснится. Он узнает, чем хочет заниматься и кто поможет ему в этом, а пока он...

Проводил время не очень приятно. Во всяком случае, в настоящее время.

Поясним.

В настоящий момент Грегори сидел в кожаном кресле, причем вполне удобном. Нельзя отрицать, что ощущение комфорта вызывало мечтательное настроение, и по этой причине он вполне равнодушно воспринимал слова брата, который стоял примерно в четырех футах от него и бубнил о том о сем, при этом в его речи постоянно мелькали слова «долг» и «ответственность».

А Грегори не любил слушать моральные наставления.

Нет, иногда, конечно, слушал, но...

— Грегори?.. Грегори!

Грегори поднял глаза и заморгал. Энтони сложил руки на груди, а это было недобрым знаком. Энтони являлся виконтом Бриджертоном и был таковым уже более двадцати лет.

— Приношу свои извинения за то, что ворвался в ход твоих мыслей, — сухо проговорил Энтони. — Ты слышал что-нибудь — ну хоть что-нибудь — из того, что я сказал?

— Об усердии, — ответил Грегори и, придав своему лицу достаточно серьезности, кивнул. — О направлении.

— Вот именно, — воскликнул Энтони, и Грегори поздравил себя с вдохновенным исполнением роли. — Тебе давно уже следовало бы наконец определиться с направлением своей жизни.

— Конечно, — пробормотал Грегори.

Он согласился с ним главным образом потому, что был ужасно голоден, а время ужина уже миновало. И еще он слышал, как его невестка сервировала в саду стол с прохладитель-

ными напитками. Кроме того, спорить с Энтони было бессмысленно. Абсолютно.

— Ты должен изменить свою жизнь. Выбрать новый курс.

— Действительно.

Может, к напиткам подадут сэндвичи. Он мог бы слопать штук сорок этих забавных крохотных бутербродиков с хрустящей корочкой.

— Грегори!

Голос Энтони приобрел специфические интонации. И Грегори понял, что настало время включить внимание.

— Хорошо, — сказал он. Его всегда удивляло, как это коротенькое слово способно избавить человека от произнесения целого предложения. — Полагаю, я примкну к духовенству.

Это сразило Энтони наповал. Насмерть. Грегори молчал, смакуя момент. Жаль только, если ему и в самом деле придется стать викарием.

— Прошу прощения? — наконец пробормотал Энтони.

— Как будто у меня есть выбор, — сказал Грегори. Как только слова прозвучали, он сообразил, что сейчас впервые произнес их. И от этого они сделались более реальными. — Карьера военного или священника, — продолжил он. — А здесь следует добавить, что я чудовищно плохой стрелок.

Энтони ничего не сказал. Оба знали, что это правда.

После непродолжительного неловкого молчания Энтони проговорил:

— Есть еще сабли.

— Да, но при моей удачливости меня обязательно отправят в Судан. — Грегори пожал плечами. — Я не очень привередлив, но там действительно слишком жарко. А ты хотел бы туда?

Энтони ответил без колебаний:

— Нет, естественно, нет.

— А еще есть мама, — добавил Грегори, начиная получать удовольствие от ситуации.

Повисла пауза. Потом:

— А при чем тут... она?



— Вряд ли она обрадуется, если меня направят туда, и тогда тебе, не забывай об этом, именно тебе придется держать ее за руку, когда она начнет волноваться или когда ей приснится кошмар о...

— Больше ни слова, — перебил его Энтони.

Грегори позволил себе мысленно улыбнуться. Конечно, это было нечестно по отношению к матери, которая, кстати сказать, никогда не имела склонности предрекать будущее на основе столь эфемерного явления, как сон. Однако она действительно категорически возражала бы против его отъезда в Судан, и Энтони действительно пришлось бы выслушивать ее сетования по этому поводу.

А так как Грегори очень не хотелось покидать туманные берега Англии, то вопрос был решен.

— Хорошо, — сказал Энтони. — Хорошо. Я очень рад, что между нами наконец-то состоялся этот разговор.

Грегори бросил взгляд на часы.

Энтони откашлялся. Когда он заговорил, в его голосе зазвучало нетерпение:

— И что ты наконец-то задумался о своем будущем.

У Грегори на скулах заиграли желваки.

— Между прочим, мне всего лишь двадцать шесть, — недовольно напомнил он. — Я еще достаточно молод для слишком частого повторения слова «наконец-то».

Энтони многозначительно изогнул бровь.

— Так мне связаться с архиепископом? Поговорить с ним о том, чтобы тебе подыскали приход?

Неожиданно на Грегори напал приступ кашля.

— Э нет, — переведя дух, ответил он. — Во всяком случае, пока.

У Энтони дернулся уголок рта. Слегка, совсем незаметно и отнюдь не вверх, чтобы потом растянуться в улыбку.

— Ты мог бы жениться, — тихо проговорил он.

— Мог бы, — согласился Грегори. — И женюсь. Я действительно собираюсь жениться.

— Правда?

— Когда найду подходящую жену. — Увидев на лице Энтони сомнение, он добавил: — Уверен, что ты первый посоветовал бы мне жениться по любви, а не по расчету.

Энтони был одержим собственной женой, которая, в свою очередь, была одержима им. Энтони также был всем сердцем предан своим семерым младшим братьям и сестрам, поэтому для Грегори не стало откровением, когда тот совершенно искренне сказал:

— Я желаю, чтобы ты так же наслаждался счастьем, как я.

От необходимости отвечать Грегори избавило громкое урчание в животе. Он сконфуженно посмотрел на брата.

— Прости, я пропустил ужин.

— Знаю. Мы ожидали, что ты приедешь пораньше.

Грегори удалось сдержаться, чтобы не поморщиться. Пока.

— Кейт немного расстроилась.

Все, хуже некуда. Если расстраивался Энтони — это было одно. Но когда он начинал утверждать, что его жену чем-то расстроили...

Именно в этот момент Грегори понял, что у него неприятности.

— Я поздно выехал из Лондона, — пробормотал он.

Это было правдой, но все равно не оправдывало его. Его ждали к ужину, а он не появился к назначенному часу. Он едва не ляпнул: «Я с ней все улажу», — но вовремя прикусил язык. Это только ухудшило бы положение, потому что могло бы создаться впечатление, будто он не воспринимает всерьез свое опоздание и намерен загладить свою оплошность улыбкой или комплиментом. В других случаях это прошло бы, но почему-то на этот раз...

Ему не хотелось решать дело таким способом.

И вместо той фразы он сказал:

— Прости меня.

Он действительно имел в виду то, что сказал.

— Она в саду, — угрюмо проговорил Энтони. — Кажется, она собиралась устроить танцы. Ты не поверишь — в патио.

Грегори вполне мог в это поверить. Все это было в духе его невестки. Она не относилась к тем, кто упускает удачные

моменты. Стоит необыкновенно ясная погода — так почему бы экспромтом не организовать танцы на природе?

— Постарайся потанцевать с теми, кого она тебе назовет, — предупредил Энтони. — Кейт будет недовольна, если юные барышни почувствуют себя обделенными вниманием.

— Обязательно, — пробормотал Грегори.

— Я присоединюсь к вам через четверть часа, — сказал Энтони, возвращаясь к письменному столу, на котором его ждало несколько стопок документов. — Мне нужно кое-что закончить.

Грегори встал.

— Я передам Кейт.

Понимая, что беседа завершилась, он вышел из комнаты и поспешил в сад.

Впервые за долгое время он оказался в Обри-Холле, родовом гнезде Бриджертонов. Здесь, в Кенте, все семейство обычно собиралось на Рождество, но, по правде говоря, для Грегори поместье не было родным домом. Никогда. После смерти отца его мать нарушила условности и выбрала местом своего круглогодичного пребывания Лондон. Она никогда об этом не говорила, но Грегори всегда подозревал, что с изящным старым особняком у нее было связано слишком много воспоминаний.

Поэтому Грегори чувствовал себя гораздо свободнее в городе, чем за городом. Домом его детства был лондонский Бриджертон-Хаус, а не Обри-Холл. Нет, он с удовольствием приезжал сюда и становился участником типичных деревенских развлечений, например катания верхом или заплывов на время (когда вода в озере была достаточно теплой, чтобы в нее окунуться). К тому же, как это ни странно, ему доставляло удовольствие менять жизненный ритм. После месяцев, проведенных в городе, ему нравилось дышать спокойным и чистым воздухом деревни.

А еще ему нравилось то, что он мог уехать, когда воздух начинал казаться слишком спокойным и чистым.

Вечерний прием проходил на южной лужайке — так, во всяком случае, Грегори сказал дворецкий. Эта лужайка и в самом

деле была отличным местом для развлечений — с абсолютно ровной землей, с видом на озеро и с большим патио, где было расставлено множество кресел и стульев для тех, кто не отличался активностью.

Уже на подходе к длинному салону, открывавшемуся в сад, Грегори услышал гул голосов, который доносился через французские окна.

Проходя по длинному салону, Грегори втянул носом воздух, пытаясь определить, какие деликатесы приготовила Кейт. Вряд ли стол будет обильным — ведь гости уже успели наесться до отвала за ужином.

«Что-то из сладкого», — решил Грегори, когда вышел на выложенный серой плиткой патио и учуял аромат корицы. И разочарованно вздохнул. Он просто умирал с голоду, и сейчас для него райской пищей являлся бы огромный кусок мяса.

Однако он опоздал, и никто в этом не виноват, кроме него самого. А Энтони оторвал бы ему голову, если бы он немедленно не пошел к гостям, так что придется довольствоваться пирожными и бисквитами.

Легкий ветерок коснулся его кожи, когда он вышел в сад. Стояла необычайно жаркая для мая погода, и все обсуждали эту тему. Это климатическое явление было из тех, что поднимают настроение, — оно радует, удивляет и пробуждает на лицах улыбки. И действительно, создавалось впечатление, будто все гости, прогуливавшиеся по лужайке, пребывали в великолепном расположении духа. Низкий гул голосов часто нарушался взрывами смеха — раскатистого мужского и звонкого женского.

Грегори огляделся по сторонам в поисках прохладительных напитков и знакомых, в частности своей невестки Кейт. Правила приличия требовали, чтобы он в первую очередь поздоровался с ней. Взгляд Грегори скользил по лицам, и вдруг он увидел...

Ее.

И сразу понял это. Он понял, что она та самая. Он застыл словно громом пораженный. Даже воздух перестал поступать в его легкие, вернее — стал медленно вытекать из них, пока не

вытек весь. И Грегори все стоял так, опустошенный, и ему до боли хотелось дышать.

Он не смог разглядеть ни ее лица, ни профиля. Он видел только затылок, изящную линию шеи, от совершенства которой захватывало дух, один светлый локон, ниспадавший на плечо.

И мог думать только об одном — «я пропал».

Возможно, все это глупо. Возможно, все это минутное помешательство. Возможно, это одновременно и то и другое. Но ведь он ждал. Этого момента. Так долго. Ждал. И неожиданно стало ясно — почему он не выбрал карьеру военного или священника, почему не принял часто высказываемое братом предложение управлять малым поместьем Бриджертонов.

Просто он ждал. Вот и все. Черт побери, а ведь все это время он даже не подозревал, что ничего не предпринимает и ждет этого момента.

И вот он наступил.

Появилась она.

И он это понял.

Понял.

Грегори медленно пошел вперед, забыв о голоде и о Кейт. Он на ходу буркнул приветствие одному или двум знакомым, продолжая идти. Он должен добраться до нее. Он должен увидеть ее лицо, вдохнуть ее запах, услышать звук ее голоса.

И наконец он приблизился к ней на расстояние фута. Он не дышал. Охваченный благоговейным трепетом, он каким-то образом ухитрялся держаться на ногах.

А она беседовала с какой-то молодой женщиной, и, судя по их оживленному разговору, они были близкими подругами. Всего мгновение Грегори, не двигаясь, наблюдал за ними, прежде чем они обнаружили его присутствие и стали медленно поворачиваться.

Он улыбнулся. Тепло, ласково. И сказал...

— Здравствуйте. Как поживаете?

Люсинда Абернети, известная всем, кто был с ней близко знаком, под именем Люси, подавила стон и повернулась к не-

знакомцу, который так незаметно подкрался, чтобы строить глазки Гермионе, — ведь все, кто видел Гермиону, строили ей глазки.

Заводить знакомство с Гермионой Уотсон было смертельно опасно. Гермиона коллекционировала разбитые сердца точно так же, как старый викарий из аббатства коллекционирует бабочек.

Единственная разница заключалась в том, что Гермиона не насаживала свои жертвы на булавки. По правде говоря, Гермиона совсем не желала завоевывать сердца мужчин и еще меньше хотела их разбивать. Просто... так получалось. Сейчас Люси к этому уже привыкла. Гермиона — это Гермиона, красавица с волосами цвета сливочного масла, очаровательным личиком и огромными зелеными глазищами.

Люси же была... Гм, она не была Гермионой, это уж точно. Она была обычной и естественной, и в большинстве случаев ей этого было достаточно.

Во всем, что составляет женскую красоту, Люси чуть-чуть не дотягивала до Гермионы. Ее волосы были не такими светлыми. Она не была такой стройной. И ростом была чуть пониже. И глаза не отличались такой яркостью. Они были сероголубыми — вполне красивый цвет, если сравнивать с другими девушками, кроме Гермионы. Но от этого легче не становилось, потому что она никогда не выезжала без Гермионы.

Люси пришла к этому ошеломляющему заключению на одном из уроков по английской литературе в Школе для незаурядных благородных девиц мисс Мосс, где они с Гермионой проучились три года.

Она чуть-чуть не дотягивает. Или, если выразиться не так прямолинейно, она просто не является совершенством.

Да, размышляла девушка, она привлекательна, она наделена той здоровой традиционной красотой, которую сравнивают с английской розой, но мужчины редко (ну ладно, никогда) теряют дар речи в ее присутствии.

А вот Гермиона... хорошо, что она такая добрая. Именно благодаря этому с ней можно дружить.